

Литературная газета

Суббота, 1 мая 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 23 (659)

ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ НАУКИ И ТЕХНИКИ,
ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ,
ЧЕСТНО ВЫПОЛНЯЮЩИМ СВОЙ ДОЛГ
ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ РОДИНОЙ!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

Первое мая

Сотни миллионов рабочих и трудящихся во всем мире празднуют день Первого мая — праздник международной солидарности трудящихся, боевой смотра революционных сил международного пролетариата. Это — день грозной боевой переклички пролетарских колонн, штурмующих капиталистический мир. Могучее дыхание мировой социалистической революции колыхает красные полотнища первомайских знамен — недаром буржуазия так страшится первомайских революционных демонстраций и забастовок, недаром фашистские и полицейские псы в капиталистическом мире со звериной яростью набрасываются на первомайские колонны.

Первое мая за рубежами нашей страны на улицы капиталистических городов выдвигаются миллионная армия пролетариев, возглавляя колонны народного фронта борьбы против империалистической войны и фашизма, демонстрируя преданность великим и действенным лозунгам Коммунистического Интернационала.

Полтора года назад VII Конгресс Коммунистического Интернационала в своих решениях записал великие лозунги народного фронта — эти полтора года блестяще показали правильность политики мирового коммунизма. Твердые народный фронт в Испании героически противостоял напору фашистских мятежников и фашистских интервентов, бойцы народного фронта нанесли международному фашизму окружительные удары под Гвадалахарой, на подступах к Мадриду, в секторе Харамы; практическое осуществление политики народного фронта дало возможность французским рабочим отбить нападение фашизма; в Китае успешно продвигается вперед дело создания единого национального фронта против японских империалистических захватчиков. Вопреки яростному сопротивлению реакционных вождей II и Амстердамского интернационалов, все более крепнут и растут в международном рабочем движении силы, отстаивающие единство рабочего класса в борьбе с фашизмом и реакцией.

Огромные успехи коммунистических партий во всем мире, находящие свое выражение в частности в удвоении и утроении за последние годы их численности, успехи организованного по инициативе и при руководстве коммунистов единого пролетарского и народного фронта, серьезные поражения германского, итальянского, японского и французского фашизма — все эти события последних лет знаменуют исторический перелом в соотношении сил между пролетариатом, с одной стороны, и фашистской буржуазией — с другой, в пользу сил международного революционного движения. Могучую поступь великой армии труда не остановит ни свирепый террор фашистских палачей, ни пытки в фашистских застенках, ни тайные убийства революционеров, ни подрывная, разлагательная работа международной шайки наемников фашизма — троцкистских провокаторов. Фашистским заправилам не удастся сломать боевой энергии и революционной ярости масс, ведущих историческую борьбу за счастье человечества. Первомайские демонстрации в капиталистических странах покажут во весь рост могучие силы революции, растущую мощь единого фронта борьбы против фашизма и империалистической войны.

В день Первого мая мысли всего трудового человечества будут обращены к нашей стране, стране победившего социализма, родине великой социалистической демократии. Имя СССР вдохновляет миллионы бойцов коммунизма. Это имя священо для каждого трудящегося, ибо опыты борьбы и победы трудящихся Советского Союза ярким светом освещают исторические пути освобождения человечества от капиталистического гнета. Великая Пролетарская революция в СССР, обеспечившая победу социализма в огромной стране, — неразрывная часть мировой революции, рабочий класс СССР — ударная бригада мирового рабочего движения, доказавшая всем опытом своей двадцатилетней героической борьбы истинную правильность учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, воздвигнувшая на пестрой части земного шара величественное здание социалистического общества. На страницах Конституции СССР записаны великие завоевания социализма — и каждое из этих завоеваний есть достижение не только советского народа, но и всего трудового человечества, борющегося за социализм.

Вот почему в день Первого мая над колоннами демонстрантов в капиталистическом мире будут реять знамена со словами приветствия и любви к социалистическому государству рабочих и крестьян. Вот почему на первомайских знаменах трудящихся СССР мы напишем лозунги братства и солидарности с бойцами антифашистского фронта трудящихся во всем мире.

Счастливым народом социалистической страны, — рабочие и колхозники, отряды пионеров и девушки, бойцы могучей и непобедимой Красной армии выйдут на первомайскую демонстрацию, полные великой радости победителей, горячей любви к социалистической родине, преданности ленинско-сталинской партии, передовому отряду трудящихся СССР.

Первое мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года мы празднуем в преддверии третьей пятилетки, до срока выполнив второй пятилетний план по важнейшим отраслям народного хозяйства. Мы завершили техническую реконструкцию народного хозяйства, превратив нашу страну в могучую индустриальную державу, добившись крупнейших успехов в развитии социалистического хозяйства, обеспечив мощную базу обороны нашей родины. Огромный размах творческой энергии

масс, расцветшей в условиях социалистического строя, успешно развертывание борьбы за социалистическую производительность труда, подьем благосостояния и бурный рост культуры многонациональной советской страны, невиданный взлет политической активности социалистического народа — вот факты, которые наполняют радостью и гордостью наши сердца. Гордость и цвет страны, новые люди социалистического общества — ударники и стахановцы — приходят на первомайскую демонстрацию с замечательными показателями новых успехов в производстве; славные бойцы Красной армии, любимцы страны — боевые подполковники демонстрируют свои успехи в деле боевой подготовки и политической учебы, успешно обеспечивающие сокрушительный отпор любому капиталистическому врагу; огромная армия работников культуры, писателей, артистов, художников, музыкантов по праву гордится завоеваниями последних лет — расцветом культуры и искусства в национальных республиках, победами наших музыкантов на международных конкурсах, достижениями таких замечательных театральных коллективов, как орденосный Московский Художественный театр им. Горького, поразительными успехами юных музыкальных талантов, новыми книгами советских писателей.

Первое мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года знаменовано замечательной победой — построением канала Волга—Москва — одним из самых изумительных сооружений второй сталинской пятилетки. Большевики меняют географию. Невозможно исчислить, какие поразительные изменения вносит канал в хозяйственную жизнь страны, связывая столицу Советского Союза с великой водной магистралью европейской части страны.

Первое мая пароходы с Волги пришвартованы у Ухтинского речного вокзала.

Грандиозные рамки хозяйственного строительства, рост благосостояния широких народных масс, расцвет социалистической культуры, широкое развертывание советской демократии — все это завоевано в ожесточенной борьбе с врагами трудового народа. Мы строим и укрепляем социалистическое общество в условиях капиталистического окружения, готовящего войну против СССР и засылающего к нам шпионов, вредителей, диверсантов; мы завоевываем все новые и новые высоты, преодолевая отчаянное сопротивление осколков разгромленных эксплуататорских классов. Наиболее злобные и оголтелые враги народа, троцкистско-бухаринские наемники германского и японского фашизма, исподволь насаждая политическую беспечность, рознь и злобу, пытаются некоторые руководители, нанесши подлые, предательские удары по нашему хозяйству, вредили и гадили, где только могли, шпионы, устраивали поджоги и взрывы, готовили покушения на вождя советского народа. Они нанесли немалый ущерб нашему хозяйству, выходящая заас своих фашистских хозяев. Мы должны покончить раз и навсегда с бандой проклятых изменников родины.

Вот почему на первомайских знаменах написаны лозунги, объединяющие всех честных трудящихся нашей страны: «Усилим революционную бдительность! Покоимся с политической беспечностью в нашей среде!», «Искореним врагов народа, японо-германо-троцкистских вредителей и шпионов! Смерть изменникам родины!».

За рубежами нашей родины, там, где борются миллионы бойцов народного фронта, пока еще господствуют непримиримые и жестокие враги социализма. Фашистские псы капитализма, чья власть упорно подталкивают успехи мирового революционного движения, готовят новые кровопролитные войны, в первую очередь войну против Советского Союза. Советская страна, ведущая неуклонно политику мира, объединяющая в этой борьбе за мир все передовое, прогрессивное человечество, спокойно смотрит на гнусную войну поджигателей войны, бешено вооружающихся за счет ограбления трудящихся масс. Великая советская держава не боится ничьих угроз. Она готова ответить громовым ударом на удар врага. Советский народ горючо приветствует в день Первого мая своей могучей Красной армии, ее молодых бойцов, дающих в этот день торжественное обещание честно и преданно служить своей великой родине. Советский народ будет и впредь со страстью и интуитивным упорством работать над дальнейшим укреплением обороноспособности нашей страны, над повышением ее хозяйственной мощи, обеспечивающей, вместе с боевой мощью Красной армии, победу в боях со всяким, кто посягнет на нас пасть. В этих боях советской стране обеспечена также поддержка и помощь всего трудового человечества, всех честных и прогрессивных людей во всем мире.

Пусть прислушается весь мир к грому наших оркестров, к звукам наших песен, к стальному клику наших боевых самолетов, к тяжкому грохоту наших танков на первомайских парадах, к голосам советского народа, приветствующего на бесчисленных демонстрациях своего великого вождя товарища Сталина. Эта величественная симфония первомайского праздника могучего социалистического народа, тесно сплоченного вокруг партии Ленина—Сталина, готового к новым боям и новым победам, прозвучит далеко за пределами нашей страны, злая радость в сердцах наших друзей, вызывая злобу и ужас наших врагов.

Мы празднуем наш первомайский праздник с твердой уверенностью в грядущей победе над капитализмом во всем мире, с готовностью бороться и побеждать во имя торжества коммунизма!

М. ИСАКОВСКИЙ

Песня о Сталине

Шумят плодородные степи,
текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
над нашим счастливым жильем...
Споем же, товарищи, песню
о самом большом человеке,
О самом родном и любимом, —
о Сталине песню споём.

За нашу счастливую долю
он шел через все непогоды.
Пронес он заветное знамя
над всей необъятной землей
Вставали поля и заводы,
и шли племена и народы
На зов своего полководца,
на смертный, решительный бой!

В глазах его ясных и чистых,
как светлую воду в колоде,
Черпали мы бодрость и силу
на нашем пути боевом...
Споём же, товарищи, песню
о самом большом полководце,
О самом бесстрашном и сильном
о Сталине песню споём.

Согрел он дыханием сердца
полярные ночи седые,
Раздвинул он горы крутые,
пути продолжил в облаках.

По слову его молодому
сады зашумели густые,
Заблала вода ключевая
в сплунчих горячих песках.

Как солнце весенней порою,
он землю родную обходит,
Растит он отвагу и радость
в саду заповедном своем...
Споём же, товарищи, песню
о самом большом садовом,
О самом любимом и мудром, —
о Сталине песню споём.

Границы от вражьи нашествия
заделал он в броню литую,
Закрыв их стальными ключами
великих и славных побед.
В могучем Союзе Советов
он книгу нашел золотую,
Которую люди искали,
наверное, тысячу лет.

И силу, и юность, и славу
он дал нам на вечные веки,
Зажег нерушимые зоры
над нашим счастливым жильем...
Споём же, товарищи, песню
о самом родном человеке,
О солнце, о правде народов, —
о Сталине песню споём.

О награждении
члена редакционной
коллегии газеты
«Правда» т. Мехлиса Л. З.
Постановление Центрального
Исполнительного
Комитета СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:
В связи с 25-летием газеты «Правда» награждать члена Редакционной Коллегии газеты т. Мехлиса Л. З. орденом Ленина.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН.
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР
И. АНУЛОВ.
Москва, Кремль, 26 апреля 1937 г.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ
Постановлением ЦИК СССР от 27 апреля 1937 года — за выдающиеся успехи в области театрально-художественного творчества Московский Художественный Академический театр имени М. Горького награжден орденом Ленина.
Постановлением ЦИК СССР от 28 апреля с. г. — заслуженным артистам республики, артистам МХАТ им. Горького тт. Н. П. Хмелеву, А. И. Тарасову и Б. Г. Добронравову присвоено звание народного артиста СССР.

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА.

Вырастим здоровых, жизнерадостных советских детей, преданных своей родине! Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

Галактион ТАБИДЗЕ Первое мая

Как цветы украсили мой город! — Ну, кому жасмины, мак, сирень? — бойкий мальчик — нараспашку ворот — говорит мне в первомайский день

— Мы желаем мира, мы желаем завершить социализм вполне. Все, кто хочет строить наше звание — населенный гениями мир, кто желает видеть состязание будущих резов, палитр и лир, — музыкант, поэт и живописец, все, кто в звуки с красками влюблен, — дайте руки мне и становитесь в сень коммунистических знамен!

И. ФЕФЕР

ИМЯ СТАЛИНА

Вечно будут мчаться реки, Вечно поле зеленеть, Имя Сталина вовеки Будет солнцем пламенеть! С ним в горах не сравниться, Мелок океан пред ним, Поколения гордятся Вечно, вечно будут им. И несется песня смело Вдоль лесов, доли, полей, И поют ее карели, Кабардинец и еврей. Песни ширятся, как реки, От Чукотки до Кремля, Славой Сталина вовеки Будет полниться земля! И кремлевским пятальцем, Радость светится в глазах, Мы веселы, мы могучи

На земле и в облаках, Вечно будут мчаться реки, Вечно поле зеленеть... Имя Сталина вовеки Будет солнцем пламенеть! Часовому на границе, Что отчизну сторожит, Слышно, как по свету птицей Имя Сталина летит. Там, где лист дрожит от страха, Крыши гнутся до земли, Стал он другом для феллаха, Братом стал он для кули. Вечно будут мчаться реки, Вечно зеленеть поля. Славой Сталина вовеки Будет полниться земля!

Перевод с еврейского В. БУГАЕВСКОГО

А. ТВАРДОВСКИЙ

ШОФЕР

Молодой, веселый, важный За рулем шофер сидит. И кого ни встретит — каждый Обернется, поглядит... Едет парень, припорошен Пылью многих деревень. Путь калеккий, День хороший. Но салам цветет сирень. В русской вышитой рубашке Проезжает он селом. У него сирень в кармашке, А еще и за фужражке, А еще и за стеклом... И девчонка у колодца Скроньки делает кривок. Журавель скрипит в гнетях, Вода льется На песок. Парень плавно, осторожно Развернулся у плетня.

— Разрешите, Если можно, Напоить у вас коня... Та краснеет и смеется, Наклонилась над ведром. — Почему ж? Вода найдется, С вас и денег не берем. Где-то виделась, слезается? — А вода опять же льется, Рассыпаясь серебром. Весь — картина, Молодчина От рубашки до сапог. Он уже саялся в кабину Делает под козырек. На околице воротца Открывает свивый дел. А девчонка у колодца Остаётся, Смотрит вслеп: Обернется или нет?..

Бор. ОЛЕНИН

Новеллы, рожденные жизнью

1. ЧЕТЫРЕ ДОЧЕРИ РАХИМОВА

Когда у жены узбекского батрака Рахимова родилась четвертая дочь — в доме воцарился траур. Рахимов поинтересовался и сказал тихо: — Это несчастье. Его жена, прижимая к груди новорожденную, ответила несмело: — Может быть счастье придет в наш дом... Может быть ты найдешь лучшую работу... — Женщина, — сказал ей Рахимов, — ты сама не веришь своим словам. Так жил мой дед, так жил мой отец, так придется жить и мне. Так живет народ мой. В этот день в доме не было даже лепешки, чтобы накормить ребенка. Не было горсти угля, чтобы ватушить мангал. Было это много лет назад. Сегодня колхозник Рахимов на арте «Сировчи» отдыхает, у него выходной день. На столе шурпа, жирный плод, сладости. На Рахимове хорошая одежда, на его жене шолово-вое платье. Бю доль Гусара, «солно из четырех несчастий», давно кончили историю им. Забыла, кончила ватем рабфак, поступила в плановый институт им. Кудышинева и теперь работает экономистом. Сын Касым кончил тот же институт. Юно и Талжи кончили Педагогическую Академию. Юсу, Замира и Гольджих учатся в средней школе. Жена Рахимова говорит вдумчиво: — Счастье пришло в наш дом. Но будут ли девочки зять?

2. ГВАРЕНГИ В ДОЛИНЕ АРАРАТА

— Женщина, — отвечает ей Рахимов, — ты сама не веришь своим словам. Это счастье не может покинуть нашего дома, ибо оно пришло в каждый дом. Оно не может уйти, ибо народ будет голосовать против. I. На текущем счету колхозников имеется суммы в 20.000, 15.000 и т. д. II. Колхоз «Камарлю» обладает крупными ассигновками на культурное строительство, отчисленными с колхозного дохода. III. Театр Гваренги будет оплачен колхозом, сколько бы он ни стоил. Театр — копия эрмитажного театра Гваренги заканчивается постройкой в колхозе «Камарлю», в долине Арарата. Колхоз «Камарлю» в долине Арарата, в Армении, вел оживленную перепику с Союзом архитекторов. Суть заключалась в следующем. Колхозник этого колхоза Шахбадлан был на побылке у родственника, работающего в Ленинграде. Ему показывали достопримечательности города, в том числе и театр, построенный великим Гваренги для Екатерины II. Этот театр имеет совершенно круглый артельный зал, обитый красным бархатом. Рассказ Шахбадлана о театре Гваренги произвел сильное впечатление на колхозников «Камарлю». На общем собрании они решили: 1. Театр стили Гваренги необходим колхозу «Камарлю». 2. Красный бархат к лицу армянским девушкам. 3. Надо обратиться в Союз архитекторов для проведения плана постройки театра в жизнь. Союз архитекторов ответил колхозникам, что постройка театра по образцу театра Гваренги в Эрмитаже обойдется слишком дорого и будет не под силу колхозу. В ответ колхоз «Камарлю» прислал выписку из бухгалтерской книги:

Высокие звезды над нами горят, И звезд этих ярких не счесть. У белых, у желтых, у черных ребят Хорошая родина есть.

Мы пляшем, поем и смеемся сейчас, Нам весело жить на земле, И все потому, что о каждом из нас Заботится Сталин в Кремле.

С. МИХАЛКОВ.

Этот, в капитанской фуражке, только что пробил головой заслон из Петьки и появился на переднем плане. Собственно говоря, он стремился поближе рассмотреть проходящие по улице танки, но глаза сами собой поднялись к небу. А на небе творится невероятно чудесное, нестерпимо притягательное для хорошей мальчишеской души! Будущий капитан северного морского пути очень недалеко от мысли: не переменить ли морской путь на славу советского летчика? Слишком уж сильно впечатленье, улавнее на его голову, прикрытую капитанской фуражкой! Вот у Петьки, у того никаких нет вопросов. Он должен быть только летчиком, и как можно скорее. Мертвые петля, штопоры и скольжения вызывают у него в настоящую минуту отнюдь не восхищение. Нет, они вызывают только зависть. Это чувство так сильно у Петьки, что он не замечает даже агрессивно-нахального проникновения на первый план этого самого фронта в капитанской фуражке. Легкая досада, конечно, где-то царапает сердце, но некогда вникаться этой досаде. Так недолго было Петьке небо и стальные ловкие птицы, самой природой назначенные для петляющей деятельности. Ничего, Петька добьется

своего, никакие соблазны не отвлекут Петьку от летного пути. Еще несколько лет, всего несколько лет! В кепке, спокойный, довольный жизнью Володя посмотрел этих самолетов и дома — он живет рядом с аэродромом. Танки тоже прекрасная вещь, но и танки Володя сейчас не увлекают. Ему просто хорошо. Он занял лучшее место на улице, и в жизни место у него не плохое — он советский школьник. Приятно жить на свете и приятно спокойно ожидать завтрашних дней. К тому же Володя мечтатель, только мечты у него все разные, сегодня одни, завтра — другие. Пусть танки с грохочущими взрывами проходят мимо. Они хороши, но не менее хороша была и кавалерия, только что скрывшаяся за углом. Надя прищурила глазенки на сверкающую стаю самолетов, — наших советских самолетов, приветствующих трудящихся в день proletарского праздника. У Надя радость на душе, нет у нее ни зависти, ни мечты, чистая свободная радость. Второй этаж предается, главным образом, восторгом. У Вани разгона нет настоящего, а то прыгнул бы он прямо в средину эскадрильи, прыгнул бы без всякой цели, от одного только восторга. Вани сейчас забыл даже об утренних неприятностях, когда возражал и грубил матери, от-

кавываясь от пальто, отмахиваясь от угворов, от указаний на холодную погоду... Коля, — тот ударил из дому без пальто, успел обойти все улицы, площади и переулки, успел странно и от холода и от впечатлений, но сейчас все забыл, забыл даже, что ему холодно. Слишком реально связана его душа с душой того летчика, который идет вперед эскадрильи. Коля уже не различает его крыльев на фоне туманного неба и все следит за ним и мечтает о чем-то великом и радостном, о какой-то высоте, о каком-то человеческом полете. Другое дело — Севка. Он никогда не мечтает и не будет мечтать. Он реалист и техник. Его увлекают сложные пути самолетов, и он радуется их удаче, как конструктор надежде товарища. А вся семерка праздничных ярким букетом глядит в лицо первому мужику, в лицо нашему надежному будущему. Но красочные ослепды творят эту яркость. Посмотрите, какая радость сверкает перед нами в лицах этих детей, сколько уверенной горчай радости в их движениях, сколько новой человеческой свободы в их улыбайки! АНДРЕЙ ГАЛЬЧЕНКО Фото г. РЮМКИНА

4. ПИСЬМО

Поэт С. в Москве получил письмо: «Хор у нас хорош, сами оставили на четырнадцать старых казачков. Поэм старые песни: «Прости, звезда, пора мне спать», «Ермак Тимофеевич», «Стенька Разин» и тому подобно. А новых песен мало. Уж я сам составил песню, только трудно-вато мне, как я не писатель, песни составлять. Песня такая: Пускай страна нам скажет слово: — А ну-ка, братцы казаки! И вымг казачество готово Соединиться в бой свои полки. Сами понимаем, что не очень получается, вато от души. Вот вы бы, товарищ поэт, для нас песни написали... А уж мы так споем, что хоть кто за сердце тронет. Можете, дайте ответ? Составил сие письмо казак колхоза им. Красной Армии, станицы Слепшовской, Сулеймановского района, Чеченской области Булогауров Иван. А расписался за него, по его неграмотности, казак Щербинин Александр».

5. СТАТИСТИКА БАШАРАТ МИРБАЕВОЙ

Башарат Мирбаевова 17 лет; она — ученица из дальнего кишлака. Башарат сидит иногда с карандашом в руках и, пока мать готовит ужин, занимается подсчетами. Она пишет в колонку: — Прыжков с парашютом — 15. — Самостоятельных полетов на самолете — 30. — Полетов высшего пилотажа — 2. Башарат — хороший пилот, она научилась летному делу быстро. Ее мать говорит в ужасе: — Если б у тебя было 15 сердец, и те могли бы разорваться от 15 прыжков, дочь моя! Башарат отвечает: — У меня только одно сердце, мама, но это — сердце птицы. И тогда старая Айхан Мирбаевова, аще каданно не оменяла сесть в при-

сутствии мужички, говорят: Сердце птицы? Это моя гордость: курица родила орлуку.

6. НЕДОСТАТОК ГОРОДА МАГАДАН

Город Магадан отстоит от Москвы на 10.000 километров, от Хабаровска — на 2.000 километров. Приезжие ведут показывать город Магадан. Его ведут по асфальтированным улицам. Ему показывают красивые каменные здания Дома специалистов, Дома связи, школы-лицей-института, дирекции Дальстроя, фабрики-заводы, издательства ежедневной газеты. Он посещает музей, парк культуры и отдыха, стадион, зверинец. За обедом его угощают свежими овощами из теплиц города Магадана. На белоснежной скатерти стоят цветы из оранжереи города Магадана. Вечером приезжий смотрит в драматическом театре «Ромео и Джульетта». Отправившись на ночлег в комфортабельную гостиницу, он говорит: — Ваш город прекрасен. В нем нет недостатков. Ему отвечают: — Нет, город Магадан имеет недостаток. — Какой? — спрашивает приезжий. И ему отвечают: — Города Магадана нет на картах и в атласах Союза. Он строился быстрее, чем печатаются карты и атласы.

7. РЕЧЬ АРТИСТА

Из стенограммы П. Чрезвычайного С'езда Советов Калининской области. Выступил артист Калининского драмтеатра И. П. Лобанова: ...Я сыграл в этом городе 100 ролей, сто ролей за десять лет работы. Это мой вклад в культурную жизнь города. Это моя доля в той работе, которой подолжился сейчас тобою и с'ездом. (Аплодисменты). Я пришел в этот город тоской, а стал в нем хозяином. Меня выбрали здесь членом районного Совета. Я сначала расте-

Сулейман СТАЛЬСКИЙ Первомайские СТИХИ

Над миром кружится весна, Как наша песня в этот день. И враг беднее полотно, Роняет руки в этот день. Теряя силы и покой, Он чует смерть над головой, Он видит полночь над собой В такой весенний, аспный день. Весь мир трудящихся — за нас. Не в первый год, не в первый раз Везде, куда б ни глянул глаз, Знамена красны в этот день. В свой лучший цвет весь мир одет Лицом к Москве встает рассвет. Весь мир свой лучший шлет привет

Воздух народов в этот день. И Сталин поднятой рукой Улыбкой ласково-простою Весь мир поздравит труппою С великим маем в этот день. Весна идет со всех сторон, Распахнут настезе небосклон, И даже солны шлет поклон Победам нашим в этот день. У моря яблоны цветут... Навстречу корабля плывут, И наши птицы там поют О нашей славе в этот день. Перевод ЗФФЕНДИ НАПИЕВА

ПЕСНЯ АЛА-ТАУ Из А. Байсалбаева, народный певец — акын Киргизии

Я гляжу на тебя, Ала-тау, и вижу: Стоят снеговые громады, Летят с вышины водопады, Зеленые спят ледники, Горячие бьют родники, И вижу на скалах твоих, Рогатых архаров¹, седых Баранов и горных кульджу². Я в темное небо гляжу И вижу тебя в вышине, Ты с небом стоишь наравне. Я гляжу на тебя, Ала-тау, и слышу: Горные птицы — улары³ В девяносто поют голосов. Радость и счастье, борьбу и любовь Слышу я в песнях уларов. От ледников прекрасна ты, От водопадов прекрасна ты, От песен уларов чудесна ты — Жемчужина гора — Ала-тау. Я гляжу на тебя, Ала-тау, и вижу: По зеленым ущельям твоим Уползают туманы, как дым. Кто равен тебе, Ала-тау, Кто выше тебя, Ала-тау? Только Сталин равен тебе, Только Сталин выше тебя, Жемчужина гор — Ала-тау! Я гляжу на тебя, Ала-тау, и вижу: И долины очистит гроза, Сразу ясными станут глаза, Сразу станешь дышать глубоко, Так же чисто, светло и легко Жить на крепкой советской земле. Как дышать у вершин Ала-тау.

Я гляжу на тебя, Ала-тау, и вижу: С вышины водопады летят, Ледники по ущельям блестя, Расцветает по скалам арчи⁴, И горячие льются ключи, И улары — горные птицы По лесам Ала-тау поют. Кзыл-аскеры, как барсы, гранины От коварных врагов стерегут. Вижу я табуны лошадей На просторах киргизских степей И отары овец на джей-лау⁵. То колхозы твои, Ала-тау, Богатей и крепчею славою, Расцветает киргизский народ: Он под сталинским солнцем цветет, Он сталинским светом согрет, Он сталинским ласкою согрет, Вижу сталинский, солнечный свет На вершинах твоих, Ала-тау. Я гляжу на тебя, Ала-тау, и думаю: С кем я сравню Ала-тау, Кто равен тебе, Ала-тау, Кто выше тебя, Ала-тау? Только Сталин равен тебе, Только Сталин выше тебя, Жемчужина гор — Ала-тау! Я гляжу на тебя, Ала-тау, и вижу: Через пустыни и горы, Через степные просторы, Через пески и моря, Через вершины Памира Сталин стоит над землей, — Ала-тау нового мира! Перевод с киргизского АНДРЕЯ АЛДАН

¹ Архары — горные бараны. ² Кульджу — горный козел. ³ Улары — птицы, живущие в горах Тянь-Шаня. ⁴ Арчи — кустарник. ⁵ Джей-лау — горные пастбища.

Самуил ЛЕХТИЦИР НА СТРАЖЕ

В ночи к реке уснувшей скользят во мраке тени, Луна холодным глазом глядит на темный край Мой часовой, ты зорек, не веришь в час весенний — Чине? Стай! *) Сверкнул огонь вывотки, как молния в озоке, Изменяющая полночь — воюмы, перелетая, И он звенит, твой голос, заволнованный, высокие: — Чине? Стай! Поэзия, заволды, долина и пригорок — Застава воюду выныч, и ты, товарищ, знай: Стихом вооруженный, я тоже буду зорек. — Чине? Стай! С молдавского перевод ЯНОВ ГОРОДСКОЙ *) Кто идет? Стой!

ОБ ОДНОМ ПРОЗАИКЕ

Озабоченный прозаик Ходит мрачен, зол и худ. Мысль одна его терзает: Скоро ль комнату дадут?

Он приятеля обуза И нигде гнезда не вьет. Он в правлении союза Каждый день пороги бьет.

На мотив: жилища или Погибавший талант Заявлял в жилищном стиле Ни написан флюгарт.

Был пастойчив он и в'еллив, И упрям, а досему, Гола два слуста, немедля Дали комнату ему.

Срок прошел, опять заботы, Вновь прозаик хмур и зол И для творческой работы У Литфонда просил stool.

Дали стол и кресло дали, Но теперь прозаик жлет, Чтоб его скорей послали На какой-нибудь завод.

Послают. Очень рады. Скоп-посок, прозаик наш. Не прозяв и лежачи, Завершает свой воляк.

И в Латфонде нева маяча, Борный труженик пера Присил комнату на даче (Летом в городе жара!).

Дни идут. Подходит осень. И на сей пожарный раз Он шутя резонно просит Две шестерки на Кавказ.

Сколько творческих усилий, Тревожений и забот! Наконеч его спросили, Что же он в печать сдаст?

Но ему ответить нечем. Есть и дача и уют, Всем прозаик обеспечен — Вот таланта не дают.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ЭПИГРАММЫ

ГРОНСКИЙ «Он порча, он чума, он язва внешних мест!»

А Гронский слушает да ест.

ЕРМИЛОВ При случае себя Ермилов не обидит, Им тактика своего одна:

В чужом глазу сучок он видит, В своем не замечает и бревна.

МИРСКИЙ Когда он правду говорит, когда он врет —

Сам черт не разберет.

ПИЛЬНЯК Ворона плохо разбиралась в сыре,

И тут-то бог послал ей златога — Она в соавторы призвала Пильняка,

И «Сыр» был напечатан в «Новом мире».

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

учлет лучше различал мой торговые сигналы.

И хорошо видел, как он поднимал. Все в порядке. Я стал держать самолет на прямой, чтобы ему легче было пристроиться.

Лечу пять минут, десять, но никакого самолета ни слева ни справа не вижу. Что за океан? Куда его понесло?

Ночь звездная. Я напряженно всматривался в мириады звезд, стараясь отыскать среди них сигналы моего ученика. Однако, попытки были тщетны. Мне так и не удалось позвать в небо блуждающих самолетных огней.

Летная выпустил одну красную ракету, за ней другую, третью. Но и это не привлекло внимания молодого летчика.

Меня охватила тревога: ученик мой по неопытности мог легко заблудиться в темноте, уйти далеко от аэродрома.

Полетав еще час, я приземлился и пошел доложить о происшествии. Командир посмотрел на часы, спросил, сколько у молодца на самолете горючего, и успокоительно заявил:

— Ничего, о рассвете получишь телеграмму.

Довольно, командир списал на меня: как только над лагерем появилось солнце, к дежурному пришла телеграмма: «Командир. Благополучно у моста Александра 8».

— Эге, куда забрался молодчик, — подумал я, — может быть, это национальный рекорд, а может, это поларктика? Ну да, я его теперь поздравляю и желаю веревку, чтобы прилагивать к своему самолету!

Ваяв бензин, мы с механиком вылетели и к вечеру добрались до места, у которого с трудом приземлился. Я сразу понял, что заблудившись чувствовал себя немалю, особенно плохо выглядел главный виновник — летчик-наблюдатель.

Оказалось, что пилот час или два был в ярком огне. Этот огонь они признали за хвостовой сигнал моей машины. Только на высоте 5000 метров им стало ясно, что это вовсе не пилот, а какой-то яркий аэроплан. Хорошо, что солнце выглянуло во-время, чтобы посмотреть на этих несельчаков!

За незнание звездного неба и облета летного выговора, а молодому летчику ослепление вынужденно следовать за огнями природы и не путать их с навигационными сигналами боевых самолетов.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Лето в Салтыковке

(Из биографического рассказа об Исааке Левитане)

Левитан прятался от дачников, тосковал по ночной певунье и писал этюды. Он совсем забыл о том, что у него, в училище Живописи и Ваяния, Саврасов прочил ему сына Кору, а товарищи — братья Корвини и Николай Чехов — всякий раз атаковали его картинами споры о прелести настоящего русского пейзажа. Будущая слава Кору тонула без остатка в обиде на жизнь, на дряные локти и протертые подметки.

Левитан в то лето много писал на воздухе. Так лето Саврасов. Как-то весной Саврасов пришел в мастерскую на Масляной грядке, в сердце дачи выбил пыльное окно и поранил руку.

«Что пишете! — кричал он плавающим голозом, вытирая грязным носом платком лоб. — Табачный дым? Навоз? Серую кошку? За разбитым окном неслось облака, солнце жаркими пятнами лежало на куполах, и летал обильный пух от одуванчиков, — в ту пору все москвичи двора варились одуванчиками.»

«Солнце гоните на холст! — кричал Саврасов, а в дверь уже неодобрительно поглядывал старый сторож — «Нечиста сила!» — Весенний туман прожегся! Снег таял, бежал по оврагам холодной водой, — почему не видел я этого на ваших этюдах? Лины распускались, дождь был так же, будто не вода, а серебро лилось с неба, — где все это на ваших холстах? Срам и чепуха!»

Со времени этого жестокого разноса Левитан начал работать на воздухе. Вначале ему было трудно привыкнуть к новому опущению красок. То, что в закрытых комнатах представлялось ярким и чистым, на воздухе непонятным образом тухло, покрывалось мутным налетом.

Левитан стремился писать так, чтобы на картинах его был осязаемый воздух, обнимающий своей прозрачностью каждую травинку, каждый лист и стог сена. Все вокруг казалось погруженным в нечто спокойное, синее и блестящее. Левитан называл это нечто воздухом. Но это был не тот воздух, каким он представляется нам. Мы дадим им, мы чувствуем его запах, холод или теплоту, Левитан же ощущал его как безграничную среду прозрачного вещества, что придавало такую пленительную мягкость его полотнам.

Лето кончалось. Все реже был слышен голос незнакомки. Как-то в субботу Левитан встретил у калитки своего дома молодую женщину. Ее узкие руки белели из-под черных кружев, кружевами были оборотены рукава платья. Мягкая туча закрыла небо. Шел редкий дождь. Горько пахло цветами в нарядных надувных шариках. На железнобетонных стрелках заглянул фонарь.

Незнакомка стояла у калитки и пыталась раскрыть маленький зонтик, но он не раскрылся. Наконец она раскрылась, и дождь зашуршал по его шелковой вершине. Незнакомка медленно пошла к станции. Левитан не видел ее лица, — оно было закрыто зонтиком. Она тоже не видела лица Левитана, она заметила только его босые, грязные ноги и подняла зонтик, чтобы не запачкать Левитана. В неверном свете он увидел бледное лицо. Оно показалось ему знакомым и красивым.

Левитан вернулся в свою комнату и лег. Чувства гудели дождь, на станции рыдали пыльные. Тоска по материнской, сестринской, женской любви вошла в тех пор в сердце и не покидала Левитана до последних дней его жизни.

Этой же осенью Левитан написал «Осенний день в Сокольниках». Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как русское небо, как вся тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемяла у зрителей сердце.

По дорожке Сокольниковского парка, по ворахам опавшей листвы шла молодая женщина в черном — та незнакомка, чей голос Левитан никак не мог забыть. «Мой голос для тебя и ласковый и томный». Она была одна среди осенней рожи, и это одиночество окружало его опущенным грусти и задумчивости.

«Осенний день в Сокольниках» — единственный пейзаж Левитана, где присутствует человек. После этого люди ни разу не появлялись на его полотнах. Их заменили леса и пажити, туманные разливы и индеец вброд, бескрайние и одинокие, надым был в то время безгласен и одинок человек.

Годы учения в училище Живописи и Ваяния окончились. Левитан написал последнюю дипломную работу — облачный день, поле, концы сжатого хлеба.

Саврасов мелком взглянул на картину и написал мелом на извешке: «Большая серебряная медаль».

Преподаватели училища поблагодарили Саврасова. Вечю пьяный, аллилуйский, он вел себя с учениками, как с равными, а написавши, испровергал все, кричал о беззастенчивости большинства признанных художников и требовал на холстах воздуха, простора.

Неприязнь к Саврасову преподаватели перенесли на его любимого ученика — Левитана. Картина была признана несостоятельной медалью. Левитан не получил звания художника, ему дали диплом учителя-чистоплюя.

С этим жалким дипломом вышел в жизнь один из тончайших художников своего времени, будущий друг Чехова, первый и еще робкий певец русской природы.

Мужик и два генерала. Куклы работы Ефимовых

Г. БАЙДУКОВ

ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Из дневника пилота

Герой Советского Союза Георгий Филиппович Байдуков — самый молодой в экипаже «АНТ-25», совершившем героический беспосадочный перелет по Сталинскому маршруту. Но в его летном послужном списке значатся такие перелеты, как Москва — Варшава, Москва — Париж, и будничные, очень смелые полеты на опытных машинах.

Г. Ф. Байдуков любит свою профессию летчика-испытателя. Но он очень любит и живое слово, увлекается литературной работой.

И написана книга рассказов «Из дневника пилота». В этой книге, выходящей в издательстве «Молодая гвардия», т. Байдуков делится воспоминаниями о своих ученических годах, о том, как он овладевал техникой пилотирования. Часть рассказов посвящена описанию всевозможных случаев, которые происходили с ним и его экипажем во время полетов. Ниже мы печатаем из дневника пилота две главы.

1. Двое упрямых

Меня перевели в истребительное звено Анисимова, пилота высшей категории. Служить в таком звене очень легко, но и не так просто. В этом же звене работает и молчаливый Валерий Чкалов. Анисимов и Чкалов — большие друзья и в то же время большие соперники. В воздухе вместе их пускать опасно: могут побить друг друга. Да и на земле они часто спорят. Но в воздухе, за воротами аэродрома, эту пару не различить.

Я среди них, отважных истребителей, кажусь итением. Постепенно схожусь с Чкаловым, затем с Анисимовым. Время берет свое, и они признают меня летчиком. Наконец, я аналогичен с полуданным боем одиночных самолетов.

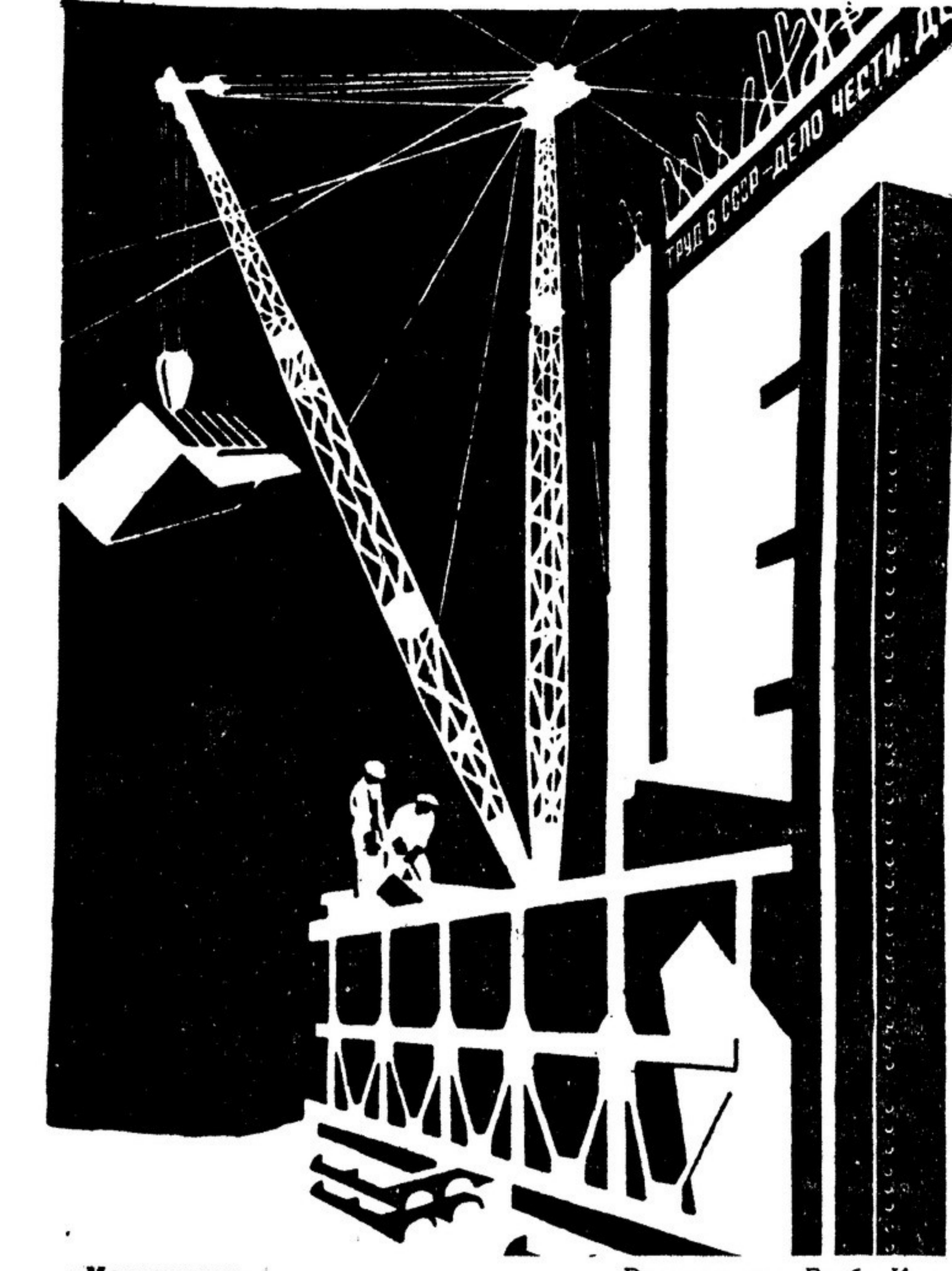
Высшим пилотажом занимался я и прежде, но Анисимов требовал от меня, чтобы я фигуры делал не на высоте в 2000 метров, а на необыкновенно низкой — всего только в ста или в пятидесяти метрах от земли.

— Они хотят пручить меня к своей школе! — думал я. — Если не углублюсь, то наверняка выучусь! При этой мысли я закружил глазами и представлял себе полет Анисимова и Чкалова.

Над самой крышей здания начальна московского аэродрома, чуть не задрав крышу котесами, десяток крошечных истребителей. От бесшумно вращающегося пропеллера дрожал стелка аппаров. Вот самолет делает четвертую по счету «бочку» и вновь проносится дальше, над крышами зданий.

Нет! Пожалуй на это я неспособен! Выискивая свои соображения Анисимов. Он странно ругается и недоволен дает задание — ити в зону и пилотировать на такой высоте, чтобы моей машины не было видно с аэродрома.

Я соображаю, что это можно сделать только в том случае, если я буду кувираться за лесом, на вырост, не привыкшаяся ст метров. Слегка волнуясь, я направился к самолету.

«Монтажники» Рисунок худ. Глеба Кун.

Поэты и писатели канала

Известно, как горячо приветствовал Алексей Максимович Горький начинающих писателей из числа заключенных Дмитровского лагеря, с каким интересом он следил за каждым дарованием, вынырившим в лагере, как настойчиво он рекомендовал союзу писателей и критикам выявлять всеяде художественным воспитанием молодых каналармейских писателей и поэтов.

Но, увы, дальше платонического сочувствия ССН и помысл не идет: никто из квалифицированных мастеров слова не помогает каналармейской молодежи, не проявляет должного внимания к ее творческой работе.

Но, несмотря на это, таланты в Дмитлаге не пропадают. И не только литературная молодежь. Широко известны уже и за пределами канала график Глеб Кун, поражающий зрелостью художественных приемов, четкостью и выразительностью рисунка, пользующийся заслуженным успехом художник Яцен, портретист Маршнев, скульптор Леленцов — автор прекрасной скульптуры «Емельян Пугачев», и др. Большое место занимает в системе культурной работы музыкальная самостоятельность каналармейцев. Уже на Беломорстрое выявились ряд даровитых музыкантов. Некоторые из них получили и «официальное» признание. Игорь Вейс, например, окончил Московскую консерваторию и остался при ней аспирантом, М. Черняк принят в члены союза советских композиторов и т. д.

Вырастает канал, разумеется, и своих поэтов и писателей. Их первые произведения производят незабываемое впечатление на читателей. (Он со всей очевидностью ощущает, что имеет дело со способными молодыми литераторами, он имеет возможность проследить путь развития ряда каналармейских писателей и поэтов, их движение от первых слабых опытов к уверенным ритмическим ходам, к сложным сюжетным линиям, к богатой инструментальности стиха, к соразмерному содержанию.) Л. Могилянская, Н. Жигульская, В. Валентьев, С. Шаргородский, И. Новленко — их фамилии запоминаются, их произведения уже начинаешь судить строго, как произведения людей, способных выдержать сравнение с профессиональными литераторами.

Названные нами поэты во многом, конечно, отличаются друг от друга по степени зрелости, культурного развития, по своей творческой индивидуальности, но одна черта характерна для всех. Этой чертой является глубоко оптимистическое ощущение окружающего мира. Оптимизму каналармейцев чужд малейший налет унылости, суевальности, дешевого, плоского бодрствования. Оно и понятно: ведь авторы, о которых идет речь, — люди, не пришедшие «на все готовое». Они завоевали право на жизнь, оплатив свою победу ценой суровых испытаний. Они ее выстрадали.

Люблю безмерно жизнь В расцвете аюм, Кипенье бурное, Побед могучий вал — За то, что жизнь Меня перевертала, За то, что дважды Я ее узнал.

Так пишет каналармеец Сергей Девин, выражая этими строками отнюдь не свои только личные переживания.

Вторая жизнь возникла в труде, давшем чувство связи с коллективом, чувство собственного достоинства, распахнувшего ворота в сверкающее будущее. И труд является ведущим мотивом в творчестве всех каналармейских поэтов и писателей, тот вдохновляющий, всепоглощающий труд, чары которого они впервые постигли на стройке канала Москва—Волга. Поэтому стихи каналармейцев, очень часто формально не совершенные, звучат ярче, чем иные прекрасные литературные упражнения «спитых» верификаторов. Для поэтов-каналармейцев это личная тема, выражающая весь их внутренний мир, переплетившаяся со всем комплексом их личностных переживаний, надежд, радостей, чувств.

Вот полное свежести и непосредственности стихотворение Венямина Календына «Радость»: Гонят ветер облака почные В те края, где дремлет тишина. В голубые омуты речные Засмотрелась полная луна. Пашет Волга серебристым валом О края бетонные столбы, Я стою над голубым каналом, Над высоким берегом — один. И слежу, как в дымке летней ночи, Чешуя блестя издалека, Подойм мой кружится и рожочет Новая, могучая река. Это люди неуловимой властью

Здесь ковали мужество свое. Здесь, в забое, добывалось счастье — Светлое, прекрасное, мое. Оно по-настоящему поэтично и, несмотря на слова о бетоне, забое и т. п., ни в какой мере не грешит пресловутым «железо-бетонным» лиризмом.

Мы не можем удержаться от искушения привести стихотворение из стихотворения О. Жигульского, свидетельствующее о большом росте поэта, об умении очень своеобразно повернуть столько раз использованную тему канала:

Хорошо у нас, в Саратовском краю Полночицы «Страдания» поют, Звезды слушают в лазурных небесах Задуманные девичьи голоса. Но услышать нам однажды Как певал у нас один заезжий поэт, У него и песни той неслыхан лад, И слава совсем особенно уют. Говорилось в этой песне про канал, Что от Волги до Москвы великой встал.

И напевы этой песни хороши — Достигаю до распахнутой души. И всякое эти самозвонные слова Нам казались, как над Волгой Москва Наклонилась и любит себя, Белокаменный своей красотой. Этим песням — да вовек не умирать! Век стоишь да над Волгой стоишь! Да ходить всем белокрылым кораблям По пяти открытым заново морям.

Эти слова так и просятся на музыку, и вполне естественно, что они вдохновили одного из одареннейших каналармейских композиторов, А. Александрова. На песню, получившую широкое распространение.

Таких стихотворений не мало в сборниках, выпущенных культурно-воспитательным отделом Дмитлага. Они говорят о жизни, о поэзии труда, о людях, соединившихся в тесную, сплоченную семью, переживавших мир и себя. Они с любовью воспевают героев строфы, и вы запечатлеваете в памяти образы людей, которыми гордится вся армия канала. — Лагерева, Гасарской, Мухомовой, Минкина. Рыбалко и многих других станаховцев канала Москва—Волга.

Но иногда редакция допускает досадную небрежность. Почему, например, в стихотворении В. Пузырева об обиде пахнут «являющие либость? Только потому, что поэт, не срифмовав со словом «либость»? Тот же автор обращается к истории со следующими словами:

«Мрачны твои страницы, Напрасно я ишу в тебе просвет. Тащишься ты жеребой кобылницей В бряцанье сабел, в блеске эполет. Это надуманно, безвкусно и не совсем грамотно. Стихи в этом виде не следовало печатать.

В последнее время вышел ряд книжек, свидетельствующих о том, что на канал имеют и весьма оригинальные прозаики. Значительный интерес представляет «Варские рассказы» Якова Саврасова (в переводе Нитобурга). Автор рассказов хорошо знает старую «тему оселости», ведь декларирующая еврейская масса, замкнутая в парковой тюрьме народов. Несколько поверхностно, но внимательно показывает Саврасов представителей «черты» в обстановке лагеря.

Глубже подходить к проблеме переселения И. Стаковский, рассказы которого объединены под названием «Солнечная сторона». Особенная удача этого сборника — рассказ «Инок Нероним». Очень неплох и рассказ «Синий якорь». Эту группу каналармейских прозаиков хорошо дополняет Леонид Богданович: он обнаруживает в своих «Новеллах» неосомненную наблюдательность, чувствую юмора и мягкой лиризм. Последняя особенность наиболее выразительно сказалась в новелле «Золотая осень».

Начинающие писатели канала Москва—Волга имеют право на внимание нашей литературной общественности. При разумной помощи, при том серьезном воспитании, которое приемная оказывать М. Горький, которые из этих писателей сумели бы оказаться полезными людьми в советской литературе.

Я. ЗЯДЕЛЬМАН

Вечер в Доме писателя

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Гастролирующий в Ленинграде оперный театр проходит в Ленинграде с исключительным успехом. Каждый спектакль превращается в триумф национального искусства казахского народа.

В Доме писателя им. Маяковского состоялся вечер Казахстана оперного театра с ленинградской литературной общественностью.

Как известно, ленинградские писатели давно уже установили творческую дружбу с писателями Казахстана. К 20-летию Октябрьской революции ленинградские писатели готовят большую антологию казахской литературы.

Вечер в Доме писателя им. Маяковского начался докладом руководителя казахской бригады ЛенССП Л. Соболева. Он рассказал о социалистических богатствах Казахстана, о его культуре, искусстве, литературе.

Доклад о жизни молодого Казахского театра сделал нач. управления по делам искусств при СНК КазССР Т. Тогжанов. В конце своей речи он огласил стихотворение приветствие акына орденосца Джамбула:

Вокруг меня степи в зените жарыде, А сердце и мысль мой — в Ленинграде, Где песни степей вдохновенно поет. Устами певцов воспеваешь народ, Где наше мужество возлелеяло степи Красой Кая-Джыбек и огнем Тугендая.

Героем Тартип, горевшим души Прекрасной казахки, родной Халиши.

Желаю, чтоб выше ругая ареной Кудаш соловьиные веселые трели, Чтоб песня на битву за счастье вела.

Чтоб дружба народов росла и цвела. Джамбул Ленинграду желает побед, И шагает от горячего сердца привет!

Докладчики углубили трибуны поэтам К. Алтайского, В. Рождественского, П. Шубина читают переводы казахских поэтов, А. Гитовича — стихи о Казахстане. Затем состоялся концерт, в нем приняли участие лучшие артисты Казахского театра, а также артисты и Кулшар Байсенова и Шара Жадырбекова. Аккомпанировал народный артист республики, композитор орденосец Е. Брусковский. Артистам была устроена шумная овация.

После концерта в Доме писателя состоялся прием в честь Казахского оперного театра. Представителей прекрасного казахского искусства горячо приветствовали Ник. Тихонов, Л. Соболев и др.

* Перевод К. Алтайского.

Кукольное представление на площади им. Маяковского

1 и 2 мая, в 12 часов ночи, на площади им. Маяковского Кукольный театр под руководством скульптора И. С. Ефимова и художника Д. Я. Симоновича-Ефимовича показал сказку Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил» и басню Крылова «Престыжия и змея».

Кукольный театр Ефимовых был организован в 1917 году. За двадцать лет им осуществлено множество представлений, в том числе на сюжеты русских и норвежских народных сказок и произведений мировой классики.

В настоящее время Ефимовы готовят кукольное представление трагедии Софокла «Эдип».

Мужик и два генерала. Куклы работы Ефимовых

Г. БАЙДУКОВ

ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Из дневника пилота

Герой Советского Союза Георгий Филиппович Байдуков — самый молодой в экипаже «АНТ-25», совершившем героический беспосадочный перелет по Сталинскому маршруту. Но в его летном послужном списке значатся такие перелеты, как Москва — Варшава, Москва — Париж, и будничные, очень смелые полеты на опытных машинах.

Г. Ф. Байдуков любит свою профессию летчика-испытателя. Но он очень любит и живое слово, увлекается литературной работой.

И написана книга рассказов «Из дневника пилота». В этой книге, выходящей в издательстве «Молодая гвардия», т. Байдуков делится воспоминаниями о своих ученических годах, о том, как он овладевал техникой пилотирования. Часть рассказов посвящена описанию всевозможных случаев, которые происходили с ним и его экипажем во время полетов. Ниже мы печатаем из дневника пилота две главы.

1. Двое упрямых

Меня перевели в истребительное звено Анисимова, пилота высшей категории. Служить в таком звене очень легко, но и не так просто. В этом же звене работает и молчаливый Валерий Чкалов. Анисимов и Чкалов — большие друзья и в то же время большие соперники. В воздухе вместе их пускать опасно: могут побить друг друга. Да и на земле они часто спорят. Но в воздухе, за воротами аэродрома, эту пару не различить.

Я среди них, отважных истребителей, кажусь итением. Постепенно схожусь с Чкаловым, затем с Анисимовым. Время берет свое, и они признают меня летчиком. Наконец, я аналогичен с полуданным боем одиночных самолетов.

Высшим пилотажом занимался я и прежде, но Анисимов требовал от меня, чтобы я фигуры делал не на высоте в 2000 метров, а на необыкновенно низкой — всего только в ста или в пятидесяти метрах от земли.

— Они хотят пручить меня к своей школе! — думал я. — Если не углублюсь, то наверняка выучусь! При этой мысли я закружил глазами и представлял себе полет Анисимова и Чкалова.

Над самой крышей здания начальна московского аэродрома, чуть не задрав крышу котесами, десяток крошечных истребителей. От бесшумно вращающегося пропеллера дрожал стелка аппаров. Вот самолет делает четвертую по счету «бочку» и вновь проносится дальше, над крышами зданий.

Нет! Пожалуй на это я неспособен! Выискивая свои соображения Анисимов. Он странно ругается и недоволен дает задание — ити в зону и пилотировать на такой высоте, чтобы моей машины не было видно с аэродрома.

Я соображаю, что это можно сделать только в том случае, если я буду кувираться за лесом, на вырост, не привыкшаяся ст метров. Слегка волнуясь, я направился к самолету.

Чкалов стоял сбоку и, насутившись, следил за моими нерешительными действиями.

Я подогнал аккуратный парашют, плотнее привязав плечевым ремнями и застегивая ремни. Когда я вылез из кабины, как рукой сняло с меня вялость и нерешительность.

Взлетел, набирая скорость, и заложил над головой Анисимова глубокий разворот с набором высоты, перелетел в непрерывную восходящую спираль.

На высоте пятисот метров я сделал каскад разнообразных фигур, затем штопорнул, выскочил из штопора в трехстах метрах от земли и вновь привязал тот же набор высоты и двинулся вперед. Когда я вылез из штопора, Анисимов опустился на двести метров, я снова повторил то же самое.

В воздухе я чувствовал себя прекрасно, поэтому сделал еще несколько «бочек» и имельманов. Взмкнул от сильного напряжения, решил пойти на посадку.

Оказавшись, Анисимов все время следил за мной со своего самолета. Перед самой посадкой я видел его перевернутый полет через аэродром. Похват от Анисимова я не получил, но и замечаний тоже.

Я знал, что в таких делах летчик хвалит опасно: он сам должен знать свой предел.

В этот день я понял, что земля хоть и страшна, но ее я уже не так боюсь, как раньше.

Шли дни Я совершенствовался в истребительском искусстве. Однажды Валерий Чкалов предложил мне подражать в воздухе.

Самолеты наши были различных систем, но это было неважно. Чкалов хотел мне показать боковые атаки истребителей.

Мы поднялись в воздух и разошлись на положенную дистанцию. Чкалов я развернул самолет в его сторону, Валерий шел километрах в двух от меня и шел мне навстречу. Его мотор слегка дымился. Самолет Чкалова шел на полном газу. Я смотрел в калематор и изредка стрелял фотоулымом. С каждой секундой расстояние между нами и Чкаловым сокращалось. Вдруг встретил скорость огромную.

Вот остался какой-нибудь пятьсот метров, а мы шли только нос в нос. Я схватил крепче ручку, готовясь отвалиться влево и вверх. Вспомнил «пространство смерти»,

Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

К ОТВЕТУ!

На заседаниях партгруппы правления ССП, на собраниях писателей, посвященном пятилетнему решению ЦК партии о перестройке работы литературно-художественных организаций, на собраниях московских драматургов один за другим выступали писатели и в приводимых ими убедительных фактах разоблачалась, разоблачалась омерзительная картина троцкистской диверсии в литературе, организованной подлым троцкистом Авербахом и его группой.

Надо внимательно разоблачать в формах и методах этой гнусной вредительской деятельности в литературе, надо понять и раскрыть те подлые, какими путями велась эта подлая работа против линии партии в литературе, надо призвать к ответу и разоблачить тех людей, которые были прямыми пособниками Авербаха или шпанами и слепцами, шедшими на его поводу.

Теперь уже всем ясно, что после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля, после ликвидации РАИП, Авербах повел борьбу против этого постановления, против Оргкомитета, созданного партией, стремясь во что бы то ни стало вновь пробраться к руководству литературой, от которого он был отстранен, стремясь вновь вернуться в литературу для того, чтобы продолжать в ней свою троцкистскую работу.

Авербах приступил к созданию параллельного своего центра в литературе, стал размещать на разных ее участках свои, авербаховские, кадры, стал подыскивать работу Оргкомитета. Он стремился дискредитировать Оргкомитет, развалить его с тем, чтобы, если это удастся, при помощи своих людей вернуться в руководство в качестве благодетеля, спасителя и триумфатора.

С помощью и при поддержке Ягодина Авербах примазался к созданию коллективной книги о Беломорканале, собрал группу писателей и пускал им пыль в глаза, расходуя без счета государственные деньги, хотел обеспечить себе славу блестящего организатора, «литературных дел мастера».

Киришон — ближайший друг Авербаха на протяжении полутора десятков лет — сидел в журнале «Рост», где подлизывался врагу народа Макареву, Мазнину, Грудскому, Коваленко и другие. Киришон, Афиногенов и их под-

ручные Киришон оперировали на фронте театра и драматургии. Они прибрали к рукам секцию драматургов, Цедрам, Управление по охране авторских прав и журнал «Театр и драматургия». В журнале «Колхозник» — враг народа Крючков. В «История заводов» — Шушканов, в «Дух культуры» — Коробельников, в «Литературе мировой революции» — Бруно Ясенский, Бела Илеша.

Такова была расстановка сил, которые во время I всесоюзного съезда советских писателей должны были протолкнуть Авербаха в руководящие органы Союза советских писателей.

План был задуман хитро. Но он провалился. Советская литературная общественность вопреки всем ухищрениям авербаховцев отвергла Авербаха.

Среди авербаховцев были разные люди. Среди них враги народа, которые знали о всех гнусных планах троцкистов, которые были, как и Авербах, двурушниками.

Были среди авербаховцев и политические слепцы, оказавшиеся его послушным орудием, его ширмой, его покорной агентурой. Их роль не менее вредна, не менее отравительна.

Весь этот авербаховский клубок должен быть размотан до конца. Авербаховские соратники, входившие в его группу и ныне подлизывающиеся еще в литературе, должны держать ответ перед писателями. Они должны все рассказать без утайки, что и как они делали, как они боролись против партии и ее литературной политики.

Вслед за драматургами должны собраться прозаики, поэты, критики. Авербаховщину надо вырвать с корнем, формы и методы ее раскрыть и разоблачить, вскрыть нутро авербаховских последышей.

Наша литература росла и развивалась в эти годы усилиями партии и всей советской литературной общественности, вопреки подлой работе троцкистских диверсантов и их пособников.

Ликвидировав последствия авербаховщины, разоблачив ее конкретных носителей и очистившись от них, наша литература двинется вперед еще быстрее, семимильными шагами. К ответу авербаховцев!

Бруно Ясенский и другие

На заседании партгруппы Правления ССП

У троцкиста Авербаха была свита верных холопов, из коих лезших вод, чтобы вернуть своему «вождю» утраченное им влияние. Об этом с достаточной убедительностью рассказали 23 апреля на московском собрании писателей т. Юдин и В. Вишневецкий. Они разоблачили авербаховско-киришонскую политику травли писателей друг на друга, дискредитирования постановления ЦК о ликвидации РАИП, приговора враждебных партий проходимцев и шарлатанов от литературы.

Одним из вернейших проводников этой политики был Бруно Ясенский. Вместе с Бела Илешем, Афиногеновым, Коробельниковым, Шушкановым и др. он пользовался каждым случаем, чтобы повести атаку против литературного руководства послереволюционного периода, чтобы пустить в ход испытанные авербаховские приемы клеветы, издевательств, подлизывания, бесстыдного искажения фактов.

Достаточно вспомнить «знаменитое» выступление Ясенского в защиту Мирского, который, «добросовестно» выполняя заказ всей этой честной компании, охлад одного из лучших советских писателей Валеева, да пожелавшего участвовать в антипартийной возне бывших рапповских «вождей».

Какую бешеную слону развращивал Ясенский в этом своем выступлении, с какой грубой софодерской откровенностью он проломострировал тогда подлинные чувства и настроения авербаховской группы.

Но память у Ясенского, как и у его соратника Илеша, оказалась весьма короткой.

На собрании партийной группы правления ССП (26 апреля) он изворачивался, вил, пустил в ход всю свою ловкость и спорную склочность дел мастера, чтобы отвести от себя обвинения в подлой работе на литературном фронте. Больше того, он стремился доказать, что у него, мол, не было даже никаких оснований отстаивать интересы авербаховцев, так как лично он никаких «постов» при рапповском руководстве не занимал.

Ясенский напрасно, однако, рассчитывал на то, что и другие обладают

Бруно Ясенский и другие

На заседании партгруппы Правления ССП

столь же короткой памятью и не сумеет всекими фактами опровергнуть карточный домик его империализма.

Ему напомнили о целом ряде происхождений, в которых он показывал себя интриганом, достойным своего шельма.

Ему напомнили о той вредной работе, которую проводил выходящий под его редакцией журнал «Литература мировой революции»: немалую роль сыграл этот орган в ослаблении единого фронта революционной литературы, немало он дезориентировал зарубежных пролетарских писателей в таком, например, кардинальном вопросе, как вопрос об овладении культурным наследством.

Здесь Ясенский проводил типичную для РАИП линию нигилистического отрицания прошлого, что не могло не оттолкнуть от революции многих представителей лево-буржуазной литературы.

Всплывали на собрании партгруппы и другие подробности, которые Ясенский тщательно пытался утаить. Так, выяснилась его связь с польским шпионом Домбелем, его активная помощь и содействие другим двум шпионам, добывавшим права на везд в СССР, и т. д.

Выступившие на заседании тт. П. Юдин, В. Ставский, В. Вишневецкий, Ф. Панферов, Ф. Березовский, Э. Мадарас и др. дали соответствующую оценку уверткам Ясенского. Ни один довод этого авербаховского последыша не был признан удовлетворительным.

Наоборот, с большей остротой, чем когда бы то ни было, встал, по общему мнению, вопрос о выяснении политической физиономии Ясенского и о праве его на дальнейшее пребывание в рядах партии.

Из данных, приведенных всеми выступавшими на партийной группе, вытекают также необходимость подробно, всесторонне обследовать подпольную практику и ряда других авербаховских приспешников, сохранивших до самого последнего времени тесную связь со своим «другом» и «покровителем».

В первую очередь, конечно, должна идти речь о таких «китах», как Киришон и Афиногенов.

Н. ДМИТРИЕВ

Семинар подхалимства

Тяжело говорить, — «дела» этих людей вызывают отвращение. Но надо говорить. Гнусный клубок вредительства троцкистских агентов в литературе, гнусный клубок деятельности Авербаха и его приспешников будет распутан до конца.

Честные советские писатели в своем творческом труде ориентируются на советский народ. Своим талантом, своими книгами они служат делу Ленина — Сталина. Они ощущают себя в боевом творческом коллективе.

Киришон и Афиногенов ориентировались на широкие слои тех или иных «покровителей». Так им было удобнее вершить свои грязные дела. Они губили молодых писателей, ставя перед ними «ориентироваться» на

Семинар подхалимства

себя, развращая мелким покровительством, организуя целые «семинары» подхалимства.

Их отношение к своему труду было по отношению лавочников, а не художников. Когда Афиногенов на собрании говорил об этом, становилось страшно.

Афиногенов «боялся» порвать с Авербахом и Киришоном. Все они «боялись» остаться «одиночками».

Что же! Их групповые троцкистские связи оторвали их от семьи советских писателей и привели к действительному одиночеству.

Они это одиночество себе подготавливали. Они шли по дороге к пропасти, и они ушли в нее.

В. ГУСЕВ

Решительная борьба

Политические преступления Авербаха, Киришона, Афиногенова и других заключаются в том, что они снижали уровень советской литературы, приучали литературную молодежь к беспринципным и бездумным вещам, порождая подхалимство, создавали затхлую атмосферу, которая особенно сказывалась в среде драматургов.

Рапповские методы еще имеют место в некоторых наших журналах.

Решительная борьба

Нужно повести с ними решительную борьбу. От нас сейчас требуется, как никогда, подлинно большевистская бдительность. Гнилые корни Авербаха и его приспешников Киришона и Афиногенова нужно вырвать, выкорчевать для того, чтобы советская литература могла честно и активно участвовать в выполнении той задачи, которая была поставлена партией и ее органами.

Владимир Соловьев

На общемоосковском собрании драматургов

Пять лет, отделяющих нас от исторического постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций, прошли для советской литературы под знаком больших достижений.

Особое значение для роста художественной литературы имел факт ликвидации троцкистской вредительской линии, которую вели на литературном фронте самозванный «литвождь», ныне разоблаченный враг народа Авербах, и его наиболее активные приспешники.

Решением партии, ломавшим всеческие препоны к объединению партийных и непартийных писателей, обеспечивавшая благоприятные обстановку для расцвета советской художественной литературы, для бурного роста творческой жизни.

Но кучка авербаховцев, оставшаяся в руководящих органах Союза писателей: В. Киришон, Бруно Ясенский, А. Афиногенов, Коробельников и др., всячески тормозила развитие советской литературы, стараясь задержать и отсрочить всесоюзный съезд писателей и обеспечить в руководстве место своему «вождю» Авербаху, которому они и после ликвидации РАИП продолжали хранить верность.

Вся эта гнусная двурушничья рапповская механика была вскрыта на собрании московских драматургов, состоявшемся 27—28 и 29 апреля в ССП СССР.

Собранию предшествовало заседание партгруппы секции драматургов. На партгруппе В. Киришон вложил тезис своего отчетного доклада, с которым он должен был выступить на собрании. Эти тезисы, явно лживые, прикрывавшие причастность В. Киришона к Авербаху и превращавшие его доклад в апологичное выступление, не удовлетворили партгруппу, лишившую его права на отчетный доклад и предоставившую ему слово для обоснования политической линии его поведения во время существования РАИП и после ее ликвидации.

Устраивать его автору незаслуженную рекламу.

Подобно резко ставит вопрос о неподобающем поведении и О. Литовского, и В. Млечина, выходящих двурушничеством за государственную критику и решающих судьбу драматургических произведений, исходя из неискренних, конъюнктурных соображений.

И. Алтыман в своем выступлении призвал собрание к бдительности: он предостерегал от излишней доверчивости к демагогии Киришона и лекламации Афиногенова, не захотевших в своих выступлениях вскрыть всей гнусной механики в работе секции драматургов.

Алтыман рассказал о гнусной возне, направленной к всемерной поддержке Всесоюзного съезда писателей, о безобразной политике — дружном заигрывании одних и восхвалении других писателей.

Чичеров в своем резком выступлении против Киришона удержал его в том, что тот умчал о своих морально-политических качествах и методах общественной работы, которые делали Киришона как похаживающего на его друга и вождя Авербаха.

Киришон проявляет максимальную активность для того, чтобы сохранить Авербаха «вождем литературы». Он пытается протолкнуть его в Оргкомитет, оттаивать или сорвать по его совету съезд писателей и, наконец, предлагая вызвать его с Урала в качестве делегата с съезда.

Киришон создавал «спорные пункты»: сохраняя в неприкосновенности редакторский им палатостроительский журнал «Рост», аппарат, троцкистский актив, группу «молодых драматургов». Развертывалась деятельная секретная переписка с Мстиславом, были телефонные разговоры с Уралом, где находился Авербах. Киришон и компания хозяйничали в журнале «Театр и драматургия», где подлизывался со своими хвалебными статьями по адресу Киришона террорист Р. Пикель.

До последнего дня остававшийся упорным, верным и близким другом Авербаха, Киришон проводил в литературе инспирированную Авербахом тактику.

Киришон создавал «спорные пункты»: сохраняя в неприкосновенности редакторский им палатостроительский журнал «Рост», аппарат, троцкистский актив, группу «молодых драматургов». Развертывалась деятельная секретная переписка с Мстиславом, были телефонные разговоры с Уралом, где находился Авербах. Киришон и компания хозяйничали в журнале «Театр и драматургия», где подлизывался со своими хвалебными статьями по адресу Киришона террорист Р. Пикель.

До последнего дня остававшийся упорным, верным и близким другом Авербаха, Киришон проводил в литературе инспирированную Авербахом тактику.

Киришон создавал «спорные пункты»: сохраняя в неприкосновенности редакторский им палатостроительский журнал «Рост», аппарат, троцкистский актив, группу «молодых драматургов». Развертывалась деятельная секретная переписка с Мстиславом, были телефонные разговоры с Уралом, где находился Авербах. Киришон и компания хозяйничали в журнале «Театр и драматургия», где подлизывался со своими хвалебными статьями по адресу Киришона террорист Р. Пикель.

До последнего дня остававшийся упорным, верным и близким другом Авербаха, Киришон проводил в литературе инспирированную Авербахом тактику.

2 Киришон «кается»

В. Киришон с обычной для него развязностью начал свое сообщение перед мезонетом с Вишневецким — не все-таки верно в этих обвинениях. Тем не менее он не мог не признать, что в продолжение 14 лет до последнего дня он был в близкой дружбе с Авербахом. Он признал, что между ними никогда не было никаких разногласий, что «во времена РАИП» он осуществлял литературную «линию» Авербаха, считая ее единственно правильной, а после ликвидации РАИП проводил политику сопротивления решению ЦК ВКП(б), стараясь продвигнуть Авербаха в руководство Оргкомитета и сохранить в литературе.

Киришон объяснял все свое поведение тем, что личное расположение сделало его слепцом, не видящим ошибок Авербаха, а также и тем, что Авербах маскировался, тщательно скрывая свое двурушничество.

Киришон оправдывался и тем, что все время рассматривал свою деятельность лишь в пределах области литературы, а не политики, и теперь только понял, что троцкистская тактика Авербаха выходила далеко за пределы литературы.

Однако, «методы» самокритики Киришона, пытавшегося все время утаить свои ошибки, снять с себя ответственность, сваливая ее на других, не раз вызвали неодолимые реплики зала.

Стремление вывернуться, обелить себя вместо того, чтобы честно проанализировать весь свой путь, проанализировать всю его роль, которую никак нельзя было назвать искренней.

О давности силе «авербаховской проказы», распространявшейся и на писателей, окружавших литературного вождя, говорил в своем выступлении А. Афиногенов.

Он рассказал о губительной системе отношений с людьми, на которой держался РАИП. Яркий ярлык самокритики, хамское пренебрежение к товарищу, нуждающемуся в помощи, абсолютная нетерпимость к мнению писателей, дискредитация людей, приклеивание порочащих ярлыков, заигрывание и шельмование неугодных, смеющихся иметь свое мнение, — вот как была эта система, в которую сначала был втянут и которую потом проводил и сам А. Афиногенов.

Невежество в творческих вопросах, прикрытое наглой демагогией, циничной манерой обивать оппонента острой репликой, лживые намеки на «директивы свыше» в ответ на всякую попытку противоядия, на всекое сомнение в правильности авербаховской тактики, — таковы методы подчинения своей воле и разложения, примененные Авербахом.

Афиногенов рассказал о том, как разлагающая в творческом и бытовом отношении атмосфера РАИП вводила его от жизни, от партии, от честных и искренних людей, как погрязнув в авербаховщине, он пришел к катастрофе, скатился в троцкистское литературное болото.

Потеря качества честного большинства и советского драматурга привела к тому, что в журнале «Театр и драматургия», доверенном ему партией, он не сумел сгруппировать нужные кадры критиков и драматургов и пригрозил террориста Пикеля.

2 Киришон «кается»

В. Киришон с обычной для него развязностью начал свое сообщение перед мезонетом с Вишневецким — не все-таки верно в этих обвинениях. Тем не менее он не мог не признать, что в продолжение 14 лет до последнего дня он был в близкой дружбе с Авербахом. Он признал, что между ними никогда не было никаких разногласий, что «во времена РАИП» он осуществлял литературную «линию» Авербаха, считая ее единственно правильной, а после ликвидации РАИП проводил политику сопротивления решению ЦК ВКП(б), стараясь продвигнуть Авербаха в руководство Оргкомитета и сохранить в литературе.

Киришон объяснял все свое поведение тем, что личное расположение сделало его слепцом, не видящим ошибок Авербаха, а также и тем, что Авербах маскировался, тщательно скрывая свое двурушничество.

Киришон оправдывался и тем, что все время рассматривал свою деятельность лишь в пределах области литературы, а не политики, и теперь только понял, что троцкистская тактика Авербаха выходила далеко за пределы литературы.

Однако, «методы» самокритики Киришона, пытавшегося все время утаить свои ошибки, снять с себя ответственность, сваливая ее на других, не раз вызвали неодолимые реплики зала.

Стремление вывернуться, обелить себя вместо того, чтобы честно проанализировать весь свой путь, проанализировать всю его роль, которую никак нельзя было назвать искренней.

О давности силе «авербаховской проказы», распространявшейся и на писателей, окружавших литературного вождя, говорил в своем выступлении А. Афиногенов.

Он рассказал о губительной системе отношений с людьми, на которой держался РАИП. Яркий ярлык самокритики, хамское пренебрежение к товарищу, нуждающемуся в помощи, абсолютная нетерпимость к мнению писателей, дискредитация людей, приклеивание порочащих ярлыков, заигрывание и шельмование неугодных, смеющихся иметь свое мнение, — вот как была эта система, в которую сначала был втянут и которую потом проводил и сам А. Афиногенов.

Невежество в творческих вопросах, прикрытое наглой демагогией, циничной манерой обивать оппонента острой репликой, лживые намеки на «директивы свыше» в ответ на всякую попытку противоядия, на всекое сомнение в правильности авербаховской тактики, — таковы методы подчинения своей воле и разложения, примененные Авербахом.

Афиногенов рассказал о том, как разлагающая в творческом и бытовом отношении атмосфера РАИП вводила его от жизни, от партии, от честных и искренних людей, как погрязнув в авербаховщине, он пришел к катастрофе, скатился в троцкистское литературное болото.

Потеря качества честного большинства и советского драматурга привела к тому, что в журнале «Театр и драматургия», доверенном ему партией, он не сумел сгруппировать нужные кадры критиков и драматургов и пригрозил террориста Пикеля.

3 Драматурги об авербаховщине

С большим интересом выслушало собрание речь Н. Погодина, говорившего о том, как многие драматурги на себе испытали огромный вред авербаховщины, выражающийся во всей линии поведения Киришона и Афиногенова — руководителей драматической и драматургической журналов. Затягивая способные драматургов, продвигая неталантливые пьесы, чтобы на их фоне более значительными выглядели собственные творения, Киришон и Афиногенов усиливали административный нажим по мере того, как снижался драматургическое качество их произведений.

Широкие круги честных советских драматургов никогда не относились к Киришону с уважением, не считали его коммунистом.

К мнению беспринципных драматургов, к сожалению, не прислушивались ни руководящие органы, ни партийная организация, — подчеркнул Погодин. И это, несмотря на неоднократные сигналы. Вместо того, чтобы сделать предметом своего обсуждения тот факт, что Киришон — член партии — аудитория не желала слушать (на Пушкинском пленуме), руководство Союза поспешило «реабилитировать» его, устроив помпезную читку его плохой пьесы.

«Большой день» — не такое событие в советской литературе, чтобы

противопоставляли свою авербаховскую «генеральскую» линию — генеральной линии партии в литературе? Давайте до конца вести дело расследования этой вредительской деятельности, — говорит в заключение т. Лаухтин, — до конца и беспощадно!

Лисьи повадки Киришона

Большое впечатление на аудиторию произвело на заседании 29 апреля страстное выступление Н. Асеева. Вся его речь была, в основном, посвящена характеристике изуцких методов, посредством которых Киришон расправился с неугодными ему людьми.

С возмущением говорит Асеев о лисьих повадках Киришона, прикинув шепота в своей речи этикеткой невинной Гретхен, не сумевшей разглядеть троцкистскую сущность авербаховщины вследствие своей политической слепоты. Странно слышать такие речи от человека, исходящего всегда в первую очередь, из карьеристских соображений, одолеваемого изобуданным честолюбием, циничного, холодно-практичного, применяющего в литературе приемы, недалекого утешение от приемов кемаровских вредителей.

С большим волнением слушала аудитория рассказ Асеева о том, как авербаховско-киришонская компания травля Маяковского.

Тактику авербаховцев в отношении Маяковского Асеев расценивает, как сознательное стремление вывести из строя советскую поэзию самых сильных, самых верных и честных бойцов социалистического фронта. Другая великого поэта смутно догадывались об этом и раньше, они мучительно обиль над тем, чтобы добраться до корня вещей.

Эпоха, время вносят полную ясность в дело. Клубок троцкистских преступлений разматывается до конца. Не приходится сомневаться в том, что союз писателей будет освобожден от всех разложившихся и разлагающихся элементов и в литературной среде будет создана обстановка, отвечающая характеру всей нашей действительности.

Обвиняет Киришона в вилянии, в дипломатическом замалчивании фактов своей антипартийной работы и т. В. Левина.

«Вас обвиняют не в ошибках, а в преступлении», — обращается Левин к Киришону. — Вы пытались предотвратить решением ЦК о ликвидации РАИП вату собственную политику. Так извольте рассказать, в какие формы вынашивалась ваша антипартийная работа, где вы собирались, какие вопросы обсуждали, что предпринимали, как стоваривались, кого намечали очередной жертвой и т. д.

В. Левин с возмущением говорит о попытках авербаховского сброда нарисовать тень на память великого народного писателя Алексея Максимовича Горького, записать его чуть ли не в свои сочинения.

Нужно сейчас же разоблачить потиную сущность этой гнусной легенды. Нужно довести до всеобщего сведения, что единственного соавтора спора Авербаха авербаховца в лице такого же проходимца и темного человека, как он, — в лице бывшего секретаря Горького — Крючкова, ныне разоблаченного полностью и целиком.

Выступившие на этом же заседании тт. Прут, Чекин, Гайдовский, Чала, Павлюченко сообщили ряд дополнительных фактов о хитростях Киришона в драматической среде своих соратников по журналу «Рост» — Гинауров, Киришона, пытались устроить в драматическом консультантом по творческим вопросам своего личного секретаря С. Левина, круглого невежду и бесстыднейшего подхалима, ставшего нарицательным именем среди драматургов.

О том, как понимали Киришон и его свита самокритику, свидетельствует следующий весьма любопытный факт: драматурга Чекина после того, как он резко выступил на общемоосковском собрании писателей против Киришона, в течение долгого времени ежедневно терроризировали по телефону всеческими угрозами какие-то анонимы, требовавшие от Чекина отказа от его разоблачений.

С жалкой и беспомощной речью, во время прерывавшейся саркастическими репликами из зала, выступил начальник Мособлреперткома В. Млечин.

Млечину было предьявлено серьезное обвинение — в беспринципности, в угодливой политике по отношению к Киришону и Афиногенову, в дискредитировании себя как руководителя репертуарного комитета и т. п. И вот человек, призванный осуществлять репертуарную политику, не нашел ничего лучшего, как смущенно лепетать о том, что он находился под гипнозом имени Киришона, что он «к сожалению, не разоблачился в плохих пьесах Киришона и Афиногенова», «к сожалению, не высказал в печати своего мнения о «Чудесном слове», хотя считал его плохой пьесой», «к сожалению, не шел в своих конфликтах с Главреперткомом дальше личных бесед с Литовским» и т. д. и т. п. все в этом духе.

Под напором аудитории Млечин вынужден был признать, хотя и косноязычно, заявляя, что репертуарные органы — в частности «проталкивали» пьесы Киришона и Афиногенова, что под влиянием Литовского, входившего в жюри драматургического конкурса, «Чудесный слух» Киришона был в свое время премьерован и т. д.

Выступление Млечина вызвало негодование всех присутствовавших на собрании драматургов. Вот почему они встретили аплодисментами и возгласами одобрения предложение В. Вишневецкого — обратиться в партийную организацию с просьбой о расследовании действия Литовского и Млечина.

Продолжение прений состоится 3 мая.

Король давно голый

Пять лет назад советские писатели встретили решение ЦК о ликвидации РАИП, как событие огромной важности и всемерно приветствовали его. Между тем значительная часть рапповцев продолжала оставаться на руководящих постах в литературе, на протяжении пяти лет всячески злоупотребляла оказанным им доверием.

Здесь будет уместно вспомнить о фольклорной поговорке шука, зубы которой остались жить.

Отдаем ли мы себе ясный отчет, каковы размеры влияния авербаховцев на постановление ЦК о ликвидации литературы в целом, какой отпечаток прямо и косвенно налагал на советскую литературу этот человек?

Деятельность авербаховской группы была связана с «блатом» в литературе, с хождением литературных произведений не по номиналу, а по искусственно вдутой «цене». Как следствие этого происходит безнадлежащая порча советской актуальной тематики, зачастую культура на актуальную тему о легкостью принимается у нас всемерно.

С чего же запаздывает, чего сморит наша критика?

«Оцениваю», рапповский рецензент — критик не должен быть искренним и высказывать свое личное мнение — оказал известное влияние на критиков, писателей, работников издательства, сыграл свою шабубную роль в инстинктивном быту.

События жизни раз доказывают необходимость немедленной коренной перестройки работы Союза. Эта перестройка в частности должна пойти по линии очищения писательских рядов.

Подпольная работа авербаховцев благоприятствует засорению Союза писателей людьми окололитературными.

Надо отобрать в центре и в местах все наиболее даровитое, честное, рапповское. Вспомните золотые слова Ленина: «лучше меньше, да лучше».

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

В ответе — и наша критика

История с Киришоном — это прежде всего серьезный сигнал для Союза писателей.

Не поразительно ли, что президиум Союза, который немало сделал для прославления Киришона и постоянно замалчивал все истинные факты деятельности этого драматурга, внезапно прозрел и сотрясает теперь сводами огненными филиппиками.

Киришонщина есть результат работы необъективных, лицемерных критиков, которые ничего не смыслят в искусстве.

Это трусливая критика, критика с огулкой, критика, не имеющая ни собственного голоса, ни собственной мысли. Это критика, которая не любит искусства, боится произнести первую ответственную оценку, пашалает «генезис», которые ложатся, как мыльные пузыри.

Разделение литераторов на тех, кому быть позволено и кого не позволено быть — вот бибдия таких критиков. В этой атмосфере легко было жить и вести Киришону. Он попросту — слеплягами, хлестаковщиной — убедил всех, что критике не подлежит.

В создании такой атмосферы, в создании списка писателей, которых можно критиковать, и списка писателей, которых критиковать нельзя, — виновен в большой степени союз писателей.

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Разоблачить мнимых корифеев!

«Монументальные», но дутые фигуры «властителей дум» уменьшились у нас на глазах. Воздух славы стремительно покидал их... И мы увидели двух марionетов, за которыми явственно подслезкал лисий череп «литвождя» — Авербаха.

Во время речи Афиногенова жутко было наблюдать, как за мелодраматическими жематами стройного лентельмана проступает самовлюбленный мещанин.

Всем писателям жизненно важен общественный суд над авербаховщиной, прохудившейся в секции драматургов ССП.

Нанесен серьезный удар по методам административной шушники и наглое самокритику. Благодаря этим методам блудные, но ловкие языки плотно укладывались в знаменитые «собрания», так вредящие развитию нашей литературы.

Мне кажется, необходима общественная проверка литературной весомости еще ряда мнимых корифеев, созданных усилиями троцкистов: Авербаха и Воронского.

Нам нужно до конца разоблачить всех бюрократов — разлагателей литературной среды, мешающих расти и работать честным советским писателям.

НИК. ПАНОВ

В ленинградском ССП

ЛЕНИНГРАД, 29 апреля. (По телефону от нашего корреспондента).

Партийная группа правления ленинградского отделения Союза советских писателей обсудила статью «Правды» и «Литературной газеты» о вредительской деятельности Авербаха и его пособников. Решено созвать специальную комиссию, посвященную этому вопросу. С докладом выступил ответственный секретарь ССП СССР т. Ставский.

Аналогичное постановление вынесло вчера вечером правление ленинградского Союза.

